

АКСЕНОВА Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник сектора изучения социокультурного развития регионов России Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; illaio@yandex.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ РАЗВИТИЕ: ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОГРЕССА В РОССИИ

Аннотация. В статье представлены результаты изучения особенностей российской модернизации.

Посредством анализа ценностей советских и российских профессионалов выявлены основания установок на модернизацию в традиционалистской среде и традиции модернизации (или развития), сформировавшиеся в последние три столетия. Показана связь профессиональных и гражданских ценностей, их роль в преобразовании западных инноваций в управленческой сфере.

Ключевые слова: модернизация, традиция, развитие, инновация, профессионалы, ценности

Модернизация была и остается одним из самых обсуждаемых и дискуссионных предметов отечественного социологического дискурса. Множество теорий модернизации, разнообразных и подчас конфликтующих друг с другом, объединены, во-первых, общим пониманием вектора перемен (от традиции к современности), во-вторых, интерпретацией современности как текущей стадии развития западного общества, наконец, определенной нормативностью. Последнее обусловлено тесной связью исследуемого феномена с политическим и управленческим выбором стратегии развития для каждой конкретной страны. Изучение модернизации чаще всего представляет собой поиск ростков будущего в реальности и поиск оптимальных путей к этому будущему. Последнее представлено своего рода идеальной моделью, обладающей обязательным набором свойств: «это индустриализация и постиндустриализация; утверждение институтов политической демократии, правового государства и гражданского общества; утверждение ценности человеческой личности, ее прав и свобод; социальная справедливость и равенство всех перед законом; достаточно высокий уровень образования; независимая пресса; важность научного знания; секуляризация ряда институтов и т.д.» [Гофман 2012: 30]. Дискуссии возникали в основном по поводу путей достижения состояния модерна (постмодерна), а также оптимального для этой цели соотношения традиции и инновации. Так, П. Штомпка сформулировал идею «критического традиционализма», который позволяет сочетать положительные элементы традиции с инновациями [Штомпка 1996: 98]. В России исследовалась проблема создания институтов современности: следует ли их имплантировать извне или выращивать [Кузьминов и др. 2005].

В последние годы глобализация лишила цели модернизации прежней ясности и привлекательности. Постмодерн оказался обществом не для всех, он концентрируется лишь в узлах глобальных сетей [Urry 2003; Sassen 2005; Ritzer 2011], оставляя все остальное человечество в зоне своего рода новой архаики. Очевидной становится опасность разрушения традиции, что уже обернулось войнами, разрухой и террором. Кроме того, следует иметь в виду, что перечисленные выше свойства современности возникли не сами собой. Институты выборной демократии, прав и свобод личности и т.п. формировались вслед за развитием капитала: торгового, промышленного и затем финансового. Западный модерн по сути является синонимом индустриального капиталистического общества. Постмодерн периода глобальных финансовых корпораций существенно отличается от модерна

конкурентных времен классического капитализма или государства всеобщего благоденствия. Содержание институтов, сохранивших привычные обозначения, требует переосмысления. Во всяком случае откат от социальных завоеваний прошлых столетий уже очевиден, а поиск альтернативных путей развития становится актуальным.

В этой связи стоит рассмотреть российскую модернизацию, отказавшись от априорных, нормативных установок на необходимость ее соответствия идеальной модели. Следует разобраться в том, как ее ориентиры понимают граждане, а не только ученые и политики, чем для нас является традиция и до какой степени она может быть изменена.

Данная статья не претендует на полноту анализа и окончательность выводов, ее задачей было скорее определение и обоснование дальнейших направлений исследования. Мы намеренно ограничили поле исследования профессионально-управленческой сферой, непосредственно связанной с промышленным и научно-техническим прогрессом. Во-первых, это едва ли не единственный общепризнанный элемент российской и советской модернизации, не вызывающий споров, во-вторых, без него и западный модерн, и высокотехнологический постмодерн попросту невозможны. Кроме того, анализ сфокусирован на ценностной составляющей традиции и модернизации, а не на их институтах. Ценности определяются как идеалы, идеальные цели и жизненные принципы, как внутренний, в отличие от правил и норм, регулятор человеческой деятельности. С нашей точки зрения, именно этот теоретический инструмент позволяет выявить восприятие модернизации людьми. Мы также исходили из предположения, что актуализация ценностей соответствующим образом трансформирует модернизационные процессы, равно как их цели¹.

Ценности развития в русской архаике

Модернизация в России от Петра I и до наших дней внедрялась сверху, была каждый раз догоняющей, а потому поначалу сводилась к прямому копированию готовых западных образцов. Нельзя сказать, что эти усилия власти пропадали даром. Сам реформаторский импульс поддерживался, а вот предложенные образцы отвергались или перерабатывались. С петровскими реформами связан парадокс, на который не обращают внимания. Отрасли, рожденные формированием классического капитализма и тесно с ним связанные, в феодальной России развивались по историческим меркам стремительно. За сто с небольшим лет, прошедших после петровских реформ, наука, медицина, инженерное дело, университетское образование вышли на мировой уровень, при этом с капиталом и рынком были связаны крайне слабо.

Ретроспективный анализ развития медицины и инженерного дела эпохи Модерна позволяет сделать обоснованные предположения о наличии в русской архаике, обеспечивавшей цикличность жизнедеятельности аграрной страны, ценностей, которые содержали возможность линейного прогресса.

Во-первых, в традиционалистской среде небольших городов и даже в деревнях существовало изобретательство. Мастера-самородки, в отличие от своих западных коллег, редко имели возможность стать предпринимателями. Но их уважали, их технические инновации ценились местным сообществом. Жесткое цеховое

¹ Представленная в данной статье работа выполнена в рамках исследования роли профессионала-актора в функционировании системы управления, которое было осуществлено автором в 2009–2014 гг. Основными методами сбора данных были глубинные интервью (103 интервью), анализ воспоминаний, опубликованных (в т.ч. и в Интернете) и хранящихся в домашних архивах, письма, публикации в СМИ, связанные так или иначе с деятельностью советских и российских профессионалов, с проявлением их профессионального и гражданского активизма (70 источников). Также был проведен вторичный анализ отечественных исторических исследований российских реформ XVIII–XX вв.

регулирование, подобное европейскому, так и не возникло, хотя Петр I пытался имплантировать и этот институт. Мастер поэтому обладал свободой творчества, хотя мог быть даже крепостным.

Во-вторых, множество выдающихся российских ученых и профессионалов, включая известных реформаторов, были родом из традиционалистской провинции, из семей консервативного православного духовенства, купечества и крестьянства. Ценности, сформированные в детстве и отрочестве, могли служить своего рода фильтром, отсеивающим неприемлемые инновации при разработке реформ.

Наконец, целый ряд культурных и социальных инноваций в конце XIX в. и в советское время был принят российским народом по историческим меркам достаточно легко и быстро. Так, после земской реформы в селах начали создаваться библиотеки. Крестьяне считали чтение делом вредным и даже греховным, т.к. оно отвлекало от работы, но уже в 90-х гг. XIX в. отношение к книге изменилось, читальни создавались уже по их просьбам [Соловьев 2013: 28]. То же самое происходило с образованием, которое в советское время стало одной из основных ценностей для всего населения страны и таковым остается по сей день. Было одобрено гендерное равенство, женщины-врачи и женщины-учителя воспринимались как должное уже в начале XX в. А по словам некоторых наших респондентов-женщин, начавших работать в 1950-х гг., их отцы, воспитанные в традиционалистской среде, настаивали на выборе мужских профессий, воспитывали в них качества, которые сами же считали мужскими: решительность, смелость, ответственность. В то же время идеи радикального преобразования семьи, популярные в 1920-х гг., поддержаны не были и уже в 1930-х гг. стали экзотикой.

Иными словами, традиция, которая должна была быть направленной на повторение одних и тех же образцов, содержала в т.ч. и ценностные основания принятия достаточно существенных инноваций. В их числе – ценность мастерства, своего дела, стремление к совершенствованию, проявляющееся в феномене изобретательства в рыночной среде, и многие другие.

На этом основании формировались ценности, связанные непосредственно с индустриализацией. В настоящее время следует говорить не об архаической традиции, но о «традиции модернизации», сложившейся за 300 лет реформ.

Развитие как ценность современного российского профессионала

Прежде чем перейти к ценностям советских и современных российских профессионалов, необходимо зафиксировать одно из свойств западной модернизации, на которое крайне редко обращают внимание отечественные исследователи. Индустриальное развитие упрощало труд – сначала простой, затем сложный, профессиональный. Происходило это прежде всего по причине углубления разделения труда и повышения специализации. Узкий профессионал в сложной технологической системе утрачивает субъектность, он становится частью алгоритма наравне с другими составляющими производственного процесса и не волен изменить его. В этом смысле конец прошлого века радикально отличался от его начала. О. Шпенглер в 1918 г. упрекает К. Маркса в том, что он рассматривал бездушные средства производства в отрыве от субъекта труда, который одухотворяет их [Шпенглер 1998: 525]. Меньше чем столетие спустя Б. Латур сформулировал популярную нынче теорию акторских сетей, в которой человек в своей субъектности равен средствам труда, а также его предметам и всему прочему, включая программы и инструкции [Latour 2005].

Анализ интервью и воспоминаний показывает, что основными ценностями советских и российских профессионалов является в первую очередь ценность

своего дела, а также свобода действия. Подчеркнем, речь идет о свободе именно профессионального действия, а не о свободе выбора, предлагаемой модерном и постмодерном. Ценность свободы свидетельствует о том, что профессионал был субъектом труда на протяжении всей советской эпохи и в большинстве случаев остается таковым по сей день.

Кроме того, для российского индустриализма характерно целостное видение профессионалом своей деятельности и ее предмета. Специализации в индустриальном развитии избежать невозможно, но ее узость компенсировалась универсальностью и фундаментальностью профессиональной подготовки, которые обеспечивали способность менять специальность или при необходимости действовать за ее пределами. В истории отечественной модернизации предприняты две попытки радикально переориентировать образование на подготовку узкого специалиста: в период советской индустриализации и в настоящее время. В первом случае традиционный универсализм был восстановлен в конце 1930-х гг. Современная реформа вызывает острое неприятие у профессионалов. Один из наших молодых респондентов-инженеров назвал инновации в инженерной подготовке подрывом обороноспособности страны: «У советской инженерной школы широкие знания позволяют понять любой процесс, адаптироваться к любой системе. Для обороноспособности страны это очень хорошо. Потери во время войны компенсировались, приходили специалисты, которые осваивались на новой работе после короткого промежутка времени. У нас сложился отдельный уклад, не надо перенимать модели Западной Европы».

Следующей, не менее важной особенностью указанной традиции является сочетание ценностей чисто профессиональных и общегражданских. Часто в интервью и воспоминаниях их сложно отделить, т.к. профессиональное качество описывается при помощи категорий «порядочность», «совесть», «справедливость». Наше исследование также показало, что, несмотря на распространенные ныне представления, конформизм, бездумное исполнение приказов и инструкций традиционно расценивались как отрицательные качества. В некоторых случаях отделить профессиональное и гражданское действие оказалось невозможным. В 1990-х г. ценности профессионалов не позволили российским регионам скатиться в новое варварство: врачи продолжали лечить, учителя — учить детей, работники культуры их всесторонне развивали, работники сохранили музеи и библиотеки, работая почти даром, а в иных случаях — действительно даром, т.к. зарплата не выплачивалась годами.

Безусловным идеалом профессионалов был прогресс (промышленный, научно-технический, технологический). Запад вызывал восхищение именно условиями, созданными для осуществления прогресса. Однако гражданские ценности делали неприемлемым западные технократические идеи, отрицалась и тотальная коммерциализация прогресса.

Идеальной целью является и всестороннее развитие человека. Профессионал в Российской империи, в СССР и в современной России должен быть не только универсалом, но широко образованным человеком. Впрочем, это касается не только профессионалов. Наши исследования показали, что к этой цели стремятся родители большинства российских детей. До сих пор эту ценность позволяет актуализировать сеть музыкальных и спортивных школ, кружков в домах культуры и музеях, детских и народных театров, сложившаяся еще в советские годы и до сих пор функционирующая [Левченко 2015].

Отметим, что все перечисленные ценности утвердились во время советской индустриализации, а формировались в течение всего периода реформ. Но самым важным, с нашей точки зрения, является устойчивость их воспроизводства и высокая степень сопротивляемости разрушительным для них изменениям.

Заключение

Для иллюстрации невозможности модернизации в России нередко используют слова В.О. Ключевского: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу» [Ключевский 1989: 341]. Однако в этой же работе, посвященной памяти С.М. Соловьева, всего парой абзацев ниже историк раскрывает их содержание совершенно иначе: «Итак, ни личного произвола, ни насильственного, хотя бы творческого перерыва в естественном движении народной жизни, ничего чудесного не понадобилось для научного объяснения единственного в своем роде исторического дела, совершенного “величайшим из исторических деятелей”, как назвал Соловьев Петра I: достаточно было простой мысли, что *народная жизнь никогда не порывает со своим прошедшим*, что такой разрыв – только новая метафора (курсив автора. – О.А.)» [Ключевский 1989: 342].

Россия не была замкнутой в архаическом воспроизводственном цикле, она модернизировалась, не разрывая при этом связей с традицией, и, более того, она формировала новую традицию, ориентированную на прогресс. Модернизация для российских профессионалов всегда означала развитие. В первую очередь научное, техническое, технологическое. К социальным и культурным инновациям, или, точнее, к управленческим и институциональным нововведениям, которые могут изменить семью, человека, сообщество или общество в целом, наши респонденты относились с большой осторожностью. Можно назвать их позицию традиционалистской, консервативной, но стоит разобраться, что именно они не принимают.

Прежде всего, отрицается упрощение и формализация – профессиональной деятельности, образования, человеческих отношений. Не принимаются инновации, сокращающие свободу действия, ликвидирующие субъектность человека в процессе труда. Наконец, существуют общие для всех ценности (семья, отношения родителей и детей, дружба и любовь и т.п.) и жизненные принципы (порядочность, совесть, справедливость, ответственность), и есть предел, за которым их изменения отвергаются.

Таким образом, по крайней мере для российских профессионалов, модернизация в России есть развитие, понимаемое, прежде всего, как усложнение и совершенствование уже существующего. Современные попытки включить страну в глобальный постмодерн наталкиваются на сопротивление именно этой традиции развития, а отнюдь не архаики. Разумеется, определение категорий традиции и развития применительно к данному случаю требует дальнейшего исследования. Важно выяснить, какие изменения допустимы, до каких пределов могут меняться традиционные ценности и что именно не следует модернизировать вовсе.

Необходимо подчеркнуть, что постоянное преобразование западных модернизационных образцов было обусловлено не спецификой загадочной русской души, а прежде всего тем, что их прямое использование было в российских условиях невозможно и даже опасно. Традиция блокировала инновации, которые на деле препятствовали бы развитию. Так, в сложных условиях советской индустриализации был опасен узкий специалист, не способный к самостоятельному действию. Традиция позволила воспитать профессионалов, способных решать нетривиальные и сложные задачи, для которых не может быть готовой инструкции. Основанная на традиции модернизация в течение нескольких столетий давала возможность создавать современную эпоху армию, сохранить свою независимость и выжить в колониальном мире.

Ситуация мало изменилась и в наши дни. Россия остается огромной и сложной страной, любая деятельность в ней часто требует нестандартных решений, а значит и сохранения субъектности профессионала. Перспектива превратиться

в территорию, на которой есть несколько развитых узлов, окруженных архаизированной, нищей периферией, выглядит устрашающе (впрочем, даже наличие высокотехнологических узлов нам не гарантировано). Выстоят ли традиционные ценности в очередной раз, сказать сложно.

Список литературы

Гофман А.Б. 2012. Пять тезисов в защиту модернизации. — *Россия реформирующаяся: ежегодник*. Вып. 11 (под ред. М.К. Горшкова). М.: Новый хронограф. С. 27-35.

Ключевский В.О. 1989. Памяти С.М. Соловьева. — *Сочинения*. В 9 т. М.: Мысль. Т. VII. С. 341-344.

Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. 2005. *Институты: От заимствования к выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений*. М.: ГУ–ВШЭ. 54 с.

Левченко Н.В. 2015. Образование в районных центрах РФ: процесс и его результаты. — *Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия*: монография (отв. ред. И.А. Халий). М.: ИС РАН. С. 50-66.

Соловьев А.А. 2013. Роль земства в создании сельских народных библиотек во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века. — *Известия высших учебных заведений*. Сер. Гуманитарные науки. Т. 4. Вып. 1. С. 24-28.

Шпенглер О. 1998. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 2. *Всемирно-исторические перспективы*. М.: Мысль. 606 с.

Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс. 416 с.

Latour B. 2005. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press. 301 p.

Ritzer G. 2011. *Globalization: The Essentials*. West Sussex, UK: John Wiley & Sons. 356 p.

Sassen S. 2005. The Global City: Introducing a Concept. — *Brown Journal of World Affairs*. № 11(2). P. 27-43.

Urry J. 2003. *Global Complexity*. Cambridge: Polity. 184 p.

AKSENOVA Olga Vladimirovna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Leading Researcher of the Sector of Investigation of Social and Cultural Development of Russian Regions, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; illaio@yandex.ru)

MODERNIZATION OR DEVELOPMENT: TRADITIONAL BASIS OF THE PROGRESS IN RUSSIA

Abstract. The article considers the special features of Russian modernization in the context of the values of Russian and Soviet professionals. The concept of value is determined as ideal goals and principles. Sociological retrospective analysis of the development of medicine and engineering in Russia shows that Russian archaic tradition contains the elements that could serve as value foundation for the linear progress, for example the phenomenon of invention that existed in the non-market environment of the feudal, agricultural country and provincial origin of Russian professionals. During the history of Russian reforms and Soviet industrialization, there were values of workmanship and freedom of professional action. The analysis shows close interrelation of professional and civil values (conscience, responsibility, decency, justice, etc.). Traditional values were changing during industrial development and continue changing now, but there are the limits of such a change. Russian professionals resist the innovation if it sufficiently restricts the freedom of action, eliminates above civil values, formalize human relations. The analysis shows also that traditional values of Russian modernization can block the innovations that could be obstacles for real progress in the complicated and diverse context of the big country.

Keywords: modernization, tradition, development, innovation, professionals, values